

ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОТЧЕТЫ

ТРЕТИЙ ГОД

№ № 1-15

226-е по 240-е заседания

6 января - 4 февраля 1948 года

Нью-Йорк

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Двести двадцать шестое заседание	
1. Предварительная повестка дня	1
2. Доклады Генерального Секретаря о полномочиях представителей Аргентины и Канады в Совете Безопасности	1
3. Приветственное слово Председателя, обращенное к трем новым членам Совета Безопасности	1
4. Утверждение повестки дня	2
5. Обсуждение ситуации в Джамму и Кашмире	2
Двести двадцать седьмое заседание	
6. Предварительная повестка дня	4
7. Доклады Генерального Секретаря относительно полномочий представителей Канады, Соединенного Королевства и Украинской Советской Социалистической Республики	4
8. Утверждение повестки дня	5
9. Обсуждение ситуации в Джамму и Кашмире (продолжение)	5
Двести двадцать восьмое заседание	
10. Предварительная повестка дня	18
11. Утверждение повестки дня	18
12. Обсуждение ситуации в Джамму и Кашмире (продолжение)	18
Двести двадцать девятое заседание	
13. Предварительная повестка дня	45
14. Утверждение повестки дня	45
15. Обсуждение ситуации в Джамму и Кашмире (продолжение)	45
16. Каблограмма председателя Комитета добрых услуг по индонезийскому вопросу от 17 января 1948 года на имя Председателя Совета Безопасности	64
Двести тридцатое заседание	
17. Предварительная повестка дня	64
18. Утверждение повестки дня	64
19. Обсуждение ситуации в Джамму и Кашмире (продолжение)	64
Двести тридцать первое заседание	
20. Предварительная повестка дня	72
21. Утверждение повестки дня	72
22. Обсуждение индо-пакистанского вопроса	82
Двести тридцать второе заседание	
23. Предварительная повестка дня	85
24. Утверждение повестки дня	85
25. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	85

	Стр.
Двести тридцать третье заседание	
26. Официальное сообщение	103
Двести тридцать четвертое заседание	
27. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	105
Двести тридцать пятое заседание	
28. Предварительная повестка дня	116
29. Утверждение повестки дня	116
30. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	116
Двести тридцать шестое заседание	
31. Предварительная повестка дня	136
32. Утверждение повестки дня	136
33. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	136
Двести тридцать седьмое заседание	
34. Предварительная повестка дня	146
35. Утверждение повестки дня	146
36. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	146
Двести тридцать восьмое заседание	
37. Предварительная повестка дня	156
38. Чествование памяти Мохандаса К. Ганди	157
Двести тридцать девятое заседание	
39. Предварительная повестка дня	161
40. Утверждение повестки дня	161
41. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	161
Двести сороковое заседание	
42. Предварительная повестка дня	181
43. Утверждение повестки дня	181
44. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	181

кументы S/661 и S/662]. Как можно видеть, проект резолюции, относящийся к плебисциту...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Разрешите мне прервать представителя Пакистана на минуту. Мне сообщили, что, если эта дискуссия будет продолжаться, для большинства членов Совета Безопасности будет удобнее закрыть сейчас это заседание. Однако, если представитель Пакистана сможет быстро закончить свое выступление, мы слушаем его заявление.

Сэр Мохаммед ЗАФРУЛЛА-хан (Пакистан) (*говорит по-английски*): Как угодно Председа-

телю. Если он находит удобным закрыть заседание сейчас, я закончу мое выступление завтра, так как, хотя мое заявление и не слишком длинное, оно все же займет некоторое время.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Сегодня днем был сделан ряд важных замечаний, о которых, несомненно, члены Совета Безопасности желают подумать. Я полагаю, что для лучшего рассмотрения этого вопроса будет полезно назначить заседание на завтра, на 2 ч. 30 м. дня.

Заседание закрывается в 6 ч. вечера.

ДВЕСТИ Сороковое заседание

Среда 4 февраля 1948 года, 2 ч. 30 м. дня Лейк Соксес, Нью-Йорк

Председатель: Генерал МАКНОТОН (Канада)

Присутствуют представители следующих стран: Аргентины, Бельгии, Канады, Китая, Колумбии, Сирии, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Украинской Советской Социалистической Республики, Франции.

42. Предварительная повестка дня (документ S/Agenda 240)

1. Утверждение повестки дня.
2. Индо-пакистанский вопрос:
 - а) Письмо представителя Индии от 1 января 1948 года на имя Председателя Совета Безопасности относительно ситуации в Джамму и Кашмире (документ S/628)¹;
 - б) Письмо министра иностранных дел Пакистана от 15 января 1948 года на имя Генерального Секретаря относительно ситуации в Джамму и Кашмире (документ S/646)²;
 - с) Письмо министра иностранных дел Пакистана от 20 января 1948 года на имя Председателя Совета Безопасности (документ S/655)³.

43. Утверждение повестки дня

Повестка дня утверждается.

44. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)

По приглашению Председателя, представитель Индии г-н Н. Гопаласвами Айянгар и представитель Пакистана сэр Мохаммед Зафрулла-хан занимают места за столом Совета.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Напоминаю членам Совета Безопасности, что когда вчера закрылось наше [239-е] заседание, представитель Пакистана не закончил своей речи. Поэтому предлагаю теперь представителю Пакистана продолжать свои замечания.

С этого момента Совет Безопасности переходит на систему одновременных переводов.

Сэр Мохаммед ЗАФРУЛЛА-хан (Пакистан) (*говорит по-английски*): Перед тем как вчера закрылось заседание Совета Безопасности, я закончил рассмотрение текста проекта резолюции, предложенного нами 27 января [236-е заседание] и представленного Председателю Совета Безопасности. Теперь я перехожу к рассмотрению проекта резолюции, представленного вчера от имени Индии, и документа, послужившего для него основанием, т. е. документа № 2 от 27 января 1948 года.

Прежде чем говорить о тексте резолюции и тексте этого документа, я хотел бы обратить ваше внимание на те условия, на которых совершилось присоединение Кашмира к Индии.

Присоединение совершилось посредством обмена письмами между магараджей Кашмира и генерал-губернатором Индии. В своем ответном письме на письмо кашмирского магараджи генерал-губернатор Индии заявил следующее:

«В особых обстоятельствах, упоминаемых Вашим Высочеством, мое правительство решило согласиться на присоединение Кашмирского княжества к доминиону Индии, не изменяя, однако своей обычной политики, согласно которой в тех случаях, когда присоединение какого-либо княжества вызывает спор, этот вопрос о присоединении должен решаться в соответствии с желаниями населения».

В своем выступлении в Совете Безопасности [227-е заседание], обращая внимание на эту часть письма, представитель Индии заявил следующее:

«Я хотел бы обратить внимание членов Совета Безопасности на те высокие принципы государственного управления, которыми характеризуется правительство Индии под нынешним руководством. Приняв присоединение, руководители страны отказались воспользоваться непосредственной опасностью, в которой находилось княжество, и уведомили правителя его, что вопрос о присоединении должен в конечном итоге быть урегулирован посредством плебисцита, как только будет восстановлен мир. В дальнейшем они

¹ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, третий год, Дополнение за ноябрь 1948 года, стр. 139-144 англ. текста.

² Там же, стр. 67-87 англ. текста.

³ Там же, № 6, 231-е заседание.

совершенно точно указали, что они согласны, чтобы плебисцит в случае необходимости проводился под международным наблюдением».

В дальнейшем это подчеркивалось в различных выступлениях премьер-министра Индии по этому вопросу, и таким образом в момент присоединения было совершенно ясно, что это присоединение временное, а что окончательное решение будет вынесено посредством плебисцита. Магараджа волей-неволей принял это условие, так как Индийский доминион согласился на присоединение Кашмира только на этом условии. Поэтому в данное время совсем нет надобности заниматься вопросом о том, входит ли с юридической точки зрения проведение плебисцита для этой особой цели во внутреннюю компетенцию магараджи или же это входит в международную компетенцию.

Был поднят вопрос о присоединении вообще. Признавалось, что этот вопрос является одним из главных споров между Индией и Пакистаном. Ответ Индии, определяющий ее позицию в течение всего этого времени, сводится к следующему: «Мы согласились в данный момент на временное присоединение Кашмира для того, чтобы справиться с возникшим чрезвычайным положением; но как только пройдет чрезвычайное положение, само население посредством плебисцита решит вопрос о присоединении». Для того чтобы плебисцит имел хотя бы какое-нибудь значение, он, естественно, должен быть свободным волеизъявлением, без всякого давления и принуждения. Он должен быть свободным выражением народной воли. Это уже несомненно установлено.

Также говорилось, что как заявил представитель Индии, правительство Индии объявило о своем согласии на проведении плебисцита под международным наблюдением. По этому вопросу также уже достигнуто соглашение.

В связи с этим я мог бы обратить ваше внимание на некоторые замечания, сделанные по этому поводу премьер-министром Индии в речах, телеграммах и радиопередачах. В заявлении для печати, сделанном от имени правительства Индии и опубликованном 30 октября 1947 года, было сказано: «Правительство Индии желает обратить внимание на те условия, на которых оно согласилось на присоединение Кашмира». Эти условия определяют характер присоединения; они являются составной частью самого присоединения. Далее в заявлении говорится: «Следуя своей линии поведения, объявленной в случае с Джунгадом, правительство Индии определенно заявило Его Высочеству магарадже, что, как только налетчики будут вытеснены с кашмирской земли и будут восстановлены законность и порядок, население княжества должно будет решить вопрос о присоединении».

В отчете о сообщении пандита Неру, переданном по радио 2 ноября 1947 года, говорится следующее:

«Правительство Индии согласно на то, чтобы когда будут восстановлены в Кашмире мир, законность и порядок, был проведен в этом княжестве референдум под международным наблюдением такой Организации, как Организация Объединенных Наций», так заявил премьер-министр

пандит Джавахарлал Неру в сегодняшней радиопередаче. Он сказал также, что «Со своей стороны, мы не намереваемся пользоваться нашими войсками в Кашмире, когда пройдет опасность вторжения».

В этом отчете о переданном по радио сообщении пандита Неру выделяются два заявления: во-первых, заявление о том, что как только пройдет опасность вторжения, войска Индийского доминиона будут уведены из Кашмира; и, во-вторых, заявление о том, что вопрос о присоединении будет решен свободным плебисцитом, который должен состояться под международным наблюдением такой организации, как Организация Объединенных Наций.

В своей телеграмме от 31 октября 1947 года на имя премьер-министра Пакистана премьер-министр Индии заявил следующее:

«Мы согласились на присоединение Кашмира к Индии по просьбе правительства магараджи и по просьбе организации, которая численно является наиболее представительной организацией княжества и которая главным образом состоит из мусульман. Даже в то время мы согласились на присоединение при том условии, что как только захватчики будут вытеснены с кашмирской земли и будут восстановлены законность и порядок, население Кашмира решит вопрос о присоединении. Тогда оно сможет по собственной воле присоединиться к тому или другому доминиону».

В следующем абзаце той же телеграммы премьер-министр Индии заявил следующее:

«Наше заверение в том, что мы уведем войска из Кашмира, как только в нем будут восстановлены мир и порядок, и предоставим населению княжества решить свою дальнейшую судьбу, является обещанием не только вашему правительству, но также и населению Кашмира и всему миру».

Затем в телеграмме премьер-министра Соединенного Королевства от 7 ноября 1947 года на имя премьер-министра Пакистана содержится следующее заявление:

«Как я понял речь премьер-министра Индии, переданную по радио 2 ноября, он дал два обещания, которые, казалось бы, соответствуют вашим собственным предложениям. Во-первых, он обещал увести из Кашмира индийские вооруженные силы, как только будет восстановлен порядок. Во-вторых, он обещал, что будет выяснена воля народа, и предложил, чтобы это было сделано под руководством и наблюдением Организации Объединенных Наций».

В телеграмме премьер-министра Индии от 8 ноября 1947 года на имя премьер-министра Пакистана сказано следующее:

«Таким образом видно, что наши предложения, которые мы уже неоднократно повторяли, сводятся к следующему:

1. чтобы правительство Пакистана публично обещало сделать все от него зависящее, чтобы заставить налетчиков уйти из Кашмира;

2. чтобы правительство Индии повторило свою декларацию о том, что оно выведет свои вооруженные силы из Кашмира, как только уйдут

налетчики и в стране будут восстановлены законность и порядок; и

3. чтобы правительства Индии и Пакистана вместе обратились к Организации Объединенных Наций с просьбой организовать в Кашмире плебисцит в возможно более краткий срок».

Вот те три предложения, которые премьер-министр Индии сделал премьер-министру Пакистана в своей телеграмме за № 304 от 8 ноября 1947 года. Что касается правительства Индии, то оно выведет свои войска из Кашмира, как только уйдут налетчики и будут восстановлены законность и порядок; что же касается правительства Пакистана, то оно публично даст обещание сделать все от него зависящее, чтобы заставить налетчиков уйти из Кашмира. Правительство Пакистана уже неоднократно давало свои заверения в том, что как только будет достигнуто соглашение, правительство Пакистана сделает все от него зависящее, чтобы заставить налетчиков уйти из Кашмира; что если совместное уведомление, посланное правительством Индии и правительством Пакистана налетчикам с требованием оставить княжество, не приведет к результатам — а мы предлагали, чтобы это требование было исполнено налетчиками в течение срока восьми часов, — и если все же будет достигнуто соглашение, приемлемое для обеих сторон, правительство Пакистана согласится принять в Кашмире меры военного характера совместно с правительством Индии, с тем чтобы заставить горцев и захватчиков удалиться; и что правительства Индии и Пакистана вместе обратятся с просьбой к Организации Объединенных Наций, чтобы эта последняя провела плебисцит в Кашмире в возможно более краткий срок. Вот теперь мы и обращаемся с этой просьбой к Совету Безопасности.

Таковы были условия, на которых произошло присоединение. Об этом шла речь во время присоединения. В условиях определенно указывается, что войска должны быть выведены, как только территория будет очищена от захватчиков, что должен будет состояться беспристрастный плебисцит под наблюдением Организации Объединенных Наций и что, конечно, оба правительства должны вместе обратиться к Организации Объединенных Наций с просьбой принять необходимые меры для проведения плебисцита.

Позволю себе еще заметить, что для свободного и беспристрастного плебисцита необходимо, чтобы до окончательного решения этого вопроса и администрация была нейтральной и беспристрастной.

Теперь я обращаю внимание Совета Безопасности на документ № 2, представленный 27 января 1948 года от имени индийской делегации Председателю Совета Безопасности. Члены Совета Безопасности смогут убедиться в том, что предложения, содержащиеся в этом документе, выявляют позицию, весьма отличающуюся от той, которая была занята в документах и заявлениях, на которые я только что обратил их внимание.

Пункт А этого документа гласит:

«Первой задачей является прекращение в княжестве Джамму и Кашмир вооруженных столкновений и других военных операций. С этой

целью правительство Пакистана должно приложить все усилия, чтобы прекратить военные действия в Джамму и Кашмире, убедив горцев и других лиц, вторгнувшихся на территорию княжества, покинуть эту территорию; кроме того, оно должно воспрепятствовать проходу этих захватчиков через территорию Пакистана в княжество Джамму и Кашмир, отказать им в праве пользования этой территорией для военных операций против княжества, а также отказать этим захватчикам в снабжении и в другой прямой и косвенной материальной помощи». Именно только этой позиции постоянно придерживалось правительство Индии.

Пункт В гласит:

«Когда прекратятся военные действия и на территории княжества не останется ни одного налетчика со стороны и в продолжении военных операций в княжестве больше не будет нужды, то следующей задачей должно быть восстановление мира и нормальных условий».

Здесь снова принята та же позиция, на которую я уже неоднократно обращал внимание, так что между прекращением проникновения в княжество горцев и фактическим прекращением военных действий существует пробел, хотя о нем искусно умалчивают. Здесь не делается рекомендаций о том, как именно прекратить военные действия, когда будут изгнаны налетчики из княжества. Из этого следует ясный вывод, что посредством военных действий будут покорены те из граждан княжества, которые сражаются на его территории, и их стремление освободиться будет подавлено силой.

В целях восстановления мира и нормальных условий

«1. всем гражданам княжества, покинувшим страну вследствие недавних беспорядков, будет предложено совершенно свободно вернуться домой и пользоваться своими правами граждан княжества;

2. никакие преследования не будут допущены;

3. все политические заключенные в княжестве будут освобождены; и

4. законная политическая деятельность не будет подлежать никаким ограничениям».

Здесь нет каких-либо предложений относительно военных действий, фактически имеющих место. Можно было бы сказать: «Следующей задачей будет восстановление мира, в которую входит прежде всего прекращение военных действий». В пункте же сказано «С этой целью будут приняты следующие меры...». Но эти меры относятся к тому времени, когда уже будут прекращены военные действия. В пункте не указано, как должны быть прекращены эти столкновения между правительством *Азад* Кашмира, с одной стороны, и вооруженными силами магараджи, поддерживаемыми индийскими войсками, с другой стороны.

В документе далее говорится, что для того чтобы убедить население вернуться обратно в княжество, потребуется, возможно, около шести месяцев, так как сначала необходимо создать настроение уверенности в том, что в случае своего возвращения население будет в полной безопасности.

Далее в абзаце развивается следующая мысль:

«Кроме того, признается, что ввиду теперешних беспорядков в Кашмире и ряда других причин ресурсы княжества Джамму и Кашмир в данный момент недостаточны для поддержания законности и порядка. Для того чтобы плебисцит мог быть проведен свободно и беспрепятственно, необходимо обеспечить эффективное поддержание законности и порядка в княжестве в период между прекращением военных действий и проведением плебисцита».

Признается, что плебисцит должен быть свободным и беспристрастным. Это не подлежит сомнению, но говорится также, что поддержание законности и порядка после прекращения военных действий может вызвать необходимость в дальнейших мерах. Каковы же эти меры? В этом абзаце далее говорится: «Пока княжество в силу присоединения остается частью Индии, правительство Индии ответственно за его защиту». Это правда, но не в отношении поддержания законности и порядка внутри княжества. Если мы имеем дело только с юридическими принципами, то придется признать, что этот вопрос является вопросом внутреннего порядка и не касается доминиона.

Однако в тексте дальше говорится: «Хотя после прекращения военных действий численность индийских войск в княжестве будет постепенно уменьшаться, все же необходимо будет оставить в княжестве достаточное количество индийских войск не только для защиты от возможных будущих нападений со стороны, но и для оказания в случае надобности содействия гражданским властям в деле поддержания законности и порядка».

Какая разница между этим заявлением и теми, на которые я обращал внимание членов Совета Безопасности несколько минут тому назад! Здесь предполагается постоянная военная оккупация княжества, так как предусматривается оставление в княжестве достаточного количества войск, чтобы обеспечить не только защиту против возможных будущих нападений со стороны, — возможность, всегда существующая в каждом государстве, — но также и для того, чтобы оказывать поддержку гражданским властям, когда это окажется необходимым в целях поддержания законности и порядка, что представляет собой также постоянную необходимость.

В пункте С сказано: «Магараджа должен немедленно преобразовать чрезвычайную администрацию, возглавляемую шейхом Абдуллой, в совет министров, в котором шейх Абдулла будет премьер-министром, а его коллеги будут назначены магараджаей по консультации с шейхом. Поскольку это окажется возможным, кабинет будет функционировать как ответственное министерство». Я полагаю, что это сказано с целью выполнить то условие, что администрация должна быть нейтральной и беспристрастной, и создать надлежащую атмосферу для плебисцита, в котором народ смог бы без боязни и беспристрастно выразить свои желания. Такой должна быть эта предполагаемая администрация.

В связи с этим я хотел бы обратить внимание Совета Безопасности на положение, занимаемое шейхом Абдуллой, хотя я уже упоминал об этом

в двух или трех из своих выступлений. Как все, должно быть, помнят, несколько времени тому назад шейх Абдулла заявил, что магараджа должен покинуть Кашмир, так как его династия является чуждой Кашмиру, которым он овладел в результате договора, на который я вчера обратил ваше внимание. Шейх Абдулла утверждал, что династия не имеет никаких прав на Кашмир и что во всяком случае народ должен взять управление в свои руки. В результате провозглашенного им лозунга «Покиньте Кашмир», суды княжества судили шейха Абдуллу за бунт и приговорили его к девятилетнему заключению. Таковы были отношения шейха Абдуллы с магараджаей, когда шейх находился в тюрьме. Я думаю, что всем прекрасно известно, что шейх Абдулла всегда по меньшей мере симпатизировал Индийскому национальному конгрессу, взгляды которого он разделял. За все это нельзя его, конечно, порицать — ни за лозунг «покиньте Кашмир», ни за судебный процесс, ни за тюремное заключение, ни за его политику. Я только излагаю факты, чтобы была ясна история этой стороны вопроса.

В течение долгих лет шейх Абдулла был личным другом пандита Джавахарлала Неру, что, конечно, делает ему честь, но что в то же время является фактом, на который следует обратить внимание. Их отношения были настолько дружественными, что когда шейх Абдулла был арестован и отдан под суд за бунт, Пандит Джавахарлал Неру, который в то время уже был назначен членом правительства Индии и был министром центрального правительства, хотя еще и не вступил в исполнение своих обязанностей, поспешил в Кашмир под тем предлогом, что он как адвокат желает взять на себя защиту шейха Абдуллы в связи с обвинением шейха в бунте. Это делает честь благородству и лояльности пандита Джавахарлала Неру. Но в то время магараджа изгнал его из княжества. Таковы были взаимоотношения шейха Абдуллы и магараджи, с одной стороны, и шейха Абдуллы и пандита Джавахарлала Неру, с другой. Как я уже сказал, шейх Абдулла был в конце концов приговорен к тюремному заключению и отбыл около полутора лет, когда начались эти беспорядки в Кашмире — набеги индусов и сикхов на мусульманское население Кашмира, беспорядки в Пунче и зверства, совершенные войсками Догры. Таким образом, магараджа был поставлен лицом к лицу перед развернувшимися событиями.

В это время шейх Абдулла был освобожден из тюрьмы и отправился в Дели — местонахождение правительства Индии. Позднее г-н Менон, секретарь государственного департамента Индии отправился в Кашмир, и магараджа написал письмо, на которое уже обращалось внимание Совета, т. е. то письмо лорду Маунтбаттену, в котором магараджа предложил присоединение княжества. В этом письме магараджа заявил: «Я хотел бы также сообщить правительству Вашего Превосходительства, что я намереваюсь немедленно сформировать временное правительство и просить шейха Абдуллу принять на себя ответственность вместе с моим премьер-министром в период чрезвычайного положения». Любопытно, что магараджа не только остановил свой выбор на шейхе Абдулле, но также и то, что он говорит о шейхе в этом

письме как о личности уже хорошо известной лорду Маунтбаттену. Нет ни слова о том, кто такой шейх Абдулла или кем он был раньше. Предполагается, что Его Превосходительство все знает о нем, как, вероятно, к этому времени оно на самом деле и было.

В своем ответе лорд Маунтбаттен заявил: «Мое правительство и я с удовлетворением отметили, что Ваше Высочество решило пригласить шейха Абдулла для формирования временного правительства, которое должно сотрудничать с вашим премьер-министром». И он тоже ничего не спрашивает и не говорит о шейхе Абдулле. С обеих сторон предполагается, что вполне известно, кто такой шейх Абдулла. Невольно напрашивается вывод, что назначение шейха Абдулла во главе чрезвычайной администрации для совместной работы с премьер-министром было результатом соглашения, уже ранее достигнутого двумя сторонами. Как я уже сказал, зная отношения магараджи с шейхом Абдуллой и отношения пандита Джавахарлала Неру с шейхом Абдуллой, нельзя не прийти к заключению, что премьер-министр Индии остановил свой выбор на шейхе Абдулле и что одним из условий присоединения магарадже было предложено назначить шейха Абдулла главой чрезвычайной администрации — соглашение, по поводу которого лорд Маунтбаттен выразил свое удовлетворение и удовлетворение своего правительства.

Согласно этому документу должна была быть учреждена администрация, в которой шейх Абдулла был бы немедленно назначен на должность премьер-министра, а его коллеги были бы назначены магараджей по рекомендации шейха. Вот какого рода нейтральную и беспристрастную администрацию предлагалось создать.

Когда-то шейх Абдулла провозгласил свой агитационный лозунг «Покиньте Кашмир», но теперь его позиция уже иная — опять я не обвиняю его, я только поясняю факты — так как он желает в настоящее время, чтобы магараджа был не только магараджей Джамму, но также и магараджей Кашмира. Шейху Абдулле пришлось сильно изменить свою позицию. Я не виню его в этом; я даже не сомневаюсь в законности его позиции; я только констатирую факты. Он вполне определенно обязался содействовать присоединению княжества к Индийскому доминиону.

Я уже обращал ваше внимание на сообщение относительно заявления шейха Абдулла, сделанного им по этому поводу в Индоре 25 декабря, но я вновь повторю одну его часть, где говорится следующее: «Выступая на массовом митинге в Праджа Мандал, шейх Мохаммед Абдулла заявил, что Кашмир окончательно решил остаться присоединенным к Индии под управлением кашмирского Драгоценного камня⁴, пандита Джавахарлала Неру. Пакистан может овладеть Кашмиром только тогда, когда кашмирцы все до единого отдадут свою жизнь в борьбе с Пакистаном [235-е заседание]».

Имея в виду чувства такого рода — опять я не говорю, что эти чувства достойны порицания или что они не заслуживают уважения, так как

каждое лицо имеет право принимать на себя любую политическую или иную задачу — и принимая во внимание спорный вопрос, находящийся на рассмотрении Совета Безопасности, я повторяю опять, что даже с большой натяжкой нельзя справедливо и правильно назвать нейтральным или беспристрастным того человека, который выступал бы с такими чувствами и речами, с какими выступил шейх 25 декабря. Фактически и как это известно членам Совета Безопасности, шейх Абдулла настолько отождествляется с делом Индии, что он состоит даже членом индийской делегации в Совете Безопасности, в чем опять-таки я не хочу его упрекать, тем более, что это могло оказаться удобным не только для него одного.

Пункт D документа № 2 гласит:

«Комиссия, относительно которой уже принято решение, должна немедленно отправиться в Индию с целью наблюдать, предоставлять совет и посредничество для того, чтобы меры, признанные необходимыми для прекращения военных действий и военных операций, применялись эффективно и без промедления, а также и для того, чтобы представлять свои заключения Совету Безопасности».

Ничего не сказано о проведении плебисцита. Часть II документа озаглавлена «Выяснение желаний населения княжества». Я позволю себе напомнить членам Совета Безопасности, что третье заверение, данное премьер-министром Индии премьер-министру Пакистана в телеграмме от 8 ноября 1947 года, сводится к тому, что оба правительства должны вместе обратиться к Организации Объединенных Наций с просьбой организовать в Кашмире плебисцит в возможно более краткий срок. По этому документу № 2 Совет Безопасности может судить о том, как предполагается осуществить этот план. Нам уже говорили о необходимости прекратить проникновение горцев и остановить освободительное движение, о восстановлении законности и порядка и о шестимесячном периоде, необходимом для создания настроения уверенности у тех людей, которые хотели бы вернуться домой. Затем в документе № 2 мы находим следующие места:

«Е. Общепризнанным является тот принцип, что выработка новой конституции для княжества и решение вопроса о присоединении являются вопросами, всецело зависящими от свободного решения населения княжества. Выражается надежда, что кашмирский магараджа и его правительство примут следующие меры для соблюдения этого принципа:

1. Как только будет закончено восстановление нормальных условий, временное правительство должно будет принять меры для созыва национального собрания, избранного совершеннолетними гражданами, с надлежащим соблюдением того принципа, что число представителей от каждого избирательного округа должно быть пропорционально численности его населения.

2. Затем на основе состава национального собрания должно быть создано национальное правительство.

3. После этого национальное правительство приступит к проведению плебисцита по вопросу о присоединении. Плебисцит будет проводиться

⁴ Джавахар, первая часть имени г-на Неру, означает в переводе «драгоценный камень».

под руководством и наблюдением лиц, назначенных Организацией Объединенных Наций.

4. Затем национальное собрание приступит к выработке новой конституции для княжества на основе принципа всецело ответственного правительства, и эта конституция будет обнародована магараджей».

Я позволю себе высказать мнение, что нет никакого сходства между заявлениями, сделанными немедленно после присоединения, и тогда же данными обещаниями, с одной стороны, и планами их осуществления, предложенными от имени индийской делегации Председателю Совета Безопасности в настоящем документе, с другой стороны. Два проекта резолюции, представленные вчера индийской делегацией Совету Безопасности, никак не продвигают решение вопроса. Текст нового проекта резолюции составлен очень осторожно, для того чтобы в своих границах соответствовать основным принципам, изложенным в документе, на который я уже обратил ваше внимание.

Когда представитель Индии в своем последнем выступлении обсуждал вопрос плебисцита, он сказал, что ни один международный плебисцит не проводился на условиях, чем-либо отличающихся от тех, которые предлагает он. Я позволю себе заметить, что это не совсем правильное заявление. Множество плебисцитов проводилось под международным контролем и по международным соглашениям, и во многих из этих случаев международные войска присутствовали для поддержания законности и порядка и для обеспечения совершенно свободного и справедливого голосования. В связи с этим я мог бы обратить ваше внимание на плебисциты, проводившиеся согласно Версальскому и Сен-Жерменскому договорам в различных местах, как, например, в Шлезвиге, Алленштейне и Мариенвердере, Клагенфурте, Верхней Силезии, Вильне и в Саарской области в 1935 году. Я полагаю, что всякий, кому приходится иметь дело с той или иной проблемой, должен принимать во внимание отличительные черты каждого отдельного случая.

Я уже говорил в Совете Безопасности, — но я хочу повторить это опять, — что поскольку это касается Пакистана, эта страна всемерно стремится к тому, чтобы возможно скорее уладить целый ряд споров, существующих между Пакистаном и Индией, включая спор относительно Кашмира, который, к сожалению, возник и требует решения, и чтобы улажен он был при помощи решения, предложенного Советом Безопасности.

Мои взгляды сходятся со взглядами представителя Индии в том, что этот вопрос весьма срочен и что поскольку это возможно, необходимо экономить не только дни, но даже часы и минуты. В связи с ситуацией создавшейся между Индией и Пакистаном, и в связи с печальными последствиями ужасной трагедии, имевшей место в Дели днем 30 января⁵, положение в Индии рискует в любой момент осложниться и значительно ухудшиться. Поэтому необходимо немедленно и срочно принять меры для решения всех вопросов, разделяющих доминионы, на правильной и справедливой основе.

⁵ Имеется в виду убийство Мохандаса К. Ганди.

Наша позиция в отношении проектов резолюций, представленных Совету Безопасности [237-е заседание] представителем Бельгии [документы S/661 и S/662], сводится к следующему: мы считаем, что эти проекты определенно являются шагом вперед в процессе улаживания споров между Пакистаном и Индией, а также и в отношении населения Кашмира в связи с кашмирским вопросом. Поэтому, не вдаваясь в слишком тщательное рассмотрение предлагаемой формулировки этих проектов резолюций, мы согласны принять их в свете и при условии — и я позволю себе повторить: в свете и при условии — того толкования, которое им давали члены Совета Безопасности, выступавшие до сих пор по этому вопросу.

Мне следует, пожалуй, еще раз вкратце обратить внимание на некоторые отличительные черты этих проектов резолюций, подчеркнутые в упомянутых мной выступлениях. Упомянув о военных действиях, представитель Соединенного Королевства спросил [236-е заседание]:

«...Что может прекратить их и каким способом их следует прекратить? Я ни на минуту не могу поверить, что индийская делегация или индийское правительство хотели бы остановить эту борьбу военной победой, если ее можно прекратить какими-либо иными способами. Они не хотят раздавить тех, кто теперь сражается против их армии с оружием в руках, если с ними можно достигнуть соглашения иным способом. Они хотят прекратить войну, чего хотим и мы все, так как они убедились, что продолжать ее нет надобности, и так как, говоря иначе, кашмирцы сами в состоянии обеспечить своим семьям мир и безопасность и свободно решить будущую судьбу своей родины без дальнейшего продолжения войны. Каждый должен согласиться с тем, что какие бы ни были приняты меры в смысле отказа в снабжении и т. п., сам процесс прекращения войны при помощи военной победы может оказаться длительным и кровопролитным».

Представитель Соединенного Королевства далее сказал:

«То, чего хотят оба правительства и чего хотим все мы — это, чтобы Совет Безопасности использовал свою моральную власть и авторитет для создания такого положения, при котором все стороны могли бы убедиться в том, что справедливость восторжествует и нет больше необходимости продолжать насилие. Кроме того, наша задача заключается не только в том, чтобы прекратить войну, но и в том, чтобы эта война больше не возобновлялась. Мы должны добиться такого решения, которое предотвратило бы возможность нового восстания».

Г-н Ноэль-Бейкер далее сказал: «Основное расхождение во мнениях этих двух сторон наблюдается в вопросе: к которому из доминионов присоединится население Кашмира? Но обе стороны признают, что этот вопрос должен быть решен свободным выражением воли населения Кашмира».

Далее, возвращаясь к тому же предмету, г-н Ноэль-Бейкер заметил:

«К которому из правительств, индийскому или пакистанскому, присоединится Кашмир?»

Как я себе это представляю, самым лучшим средством для прекращения войны было бы уверить ее участников в том, что будет достигнуто справедливое соглашение, которое обеспечит их права; ...по моему глубокому убеждению, правильный путь прекратить войну — это добиться быстрого решения в Совете Безопасности... Однако мы уже находимся на правильном пути, если мы обсудим три вопроса, по которым, как сообщил Председатель, стороны достигли соглашения: во-первых, что состоится плебисцит для выяснения вопроса, к которому из доминионов, к Индии или Пакистану, присоединится Кашмир; во-вторых, что этот плебисцит должен проводиться в условиях, обеспечивающих его справедливость и беспристрастность; и, в-третьих, что плебисцит должен проводиться под руководством Организации Объединенных Наций».

Эти только что приведенные мною отрывки взяты из речи г-на Ноэля-Бейкера, произнесенной им 28 января 1948 года.

29 января 1948 года [237-е заседание], когда продолжались прения по индо-пакистанскому вопросу, представитель Соединенных Штатов Америки заметил:

«Мы придерживаемся того взгляда, что никто из участников переговоров не хочет прекращения военных действий и насилий с помощью нового акта насилия. Никто не хочет, чтобы в пределы Кашмира были посланы крупные отряды войск для изгнания захватчиков из этого района. Мы полагаем, что все хотят, чтобы вопрос был урегулирован с помощью соглашения, которое могло бы быть проведено в жизнь без применения силы.

Мы полагаем также, что если мы будем продолжать работу в той же дружественной атмосфере и сохраним наш объективный и справедливый подход, то нам удастся принять резолюции, устанавливающие, наконец, условия, на которых военные действия могут быть прекращены».

Далее г-н Остин сказал:

«Это соглашение о создании атмосферы полного беспристрастия для плебисцита имеет громадное значение не только для обеих сторон, но и для всего мира... По-моему, лучшим способом заручиться этой моральной поддержкой» — г-н Остин только что перед тем сказал, что любое принятое нами решение должно пользоваться моральной поддержкой всех честных людей всего мира — «будет создание такого аппарата для проведения плебисцита, который не будет вызывать никаких подозрений, который создаст во всем мире впечатление полного беспристрастия тем, что плебисцит будет действительно проведен беспристрастно.

...Я говорю это, так как считаю, что каждый из этих проектов резолюций выражает часть общей идеи о том, что нельзя добиться прекращения военных действий и насилий, если в ходе переговоров не будет достигнуто соглашение относительно того, как эти действия могут быть прекращены, т. е. соглашение, которое убедило бы всех, кто заинтересован в нем, что были сделаны достаточные приготовления для обеспечения свободы и беспристрастия при проведении плебисцита».

В заключение представитель Соединенных Штатов сказал следующее: «Этот вопрос плебисцита естественно связан с рассмотрением формы и характера правительства, которое будет управлять этим районом в период подготовки и проведения плебисцита...». Но г-н Остин заметил, что в настоящей стадии обсуждения вопроса он не будет более на нем останавливаться.

На том же заседании Совета Безопасности представитель Китая, выражая свою точку зрения, сказал между прочим следующее:

«Совершенно очевидно, что плебисцит является ключом к этой проблеме. Если будет принят принцип свободного и беспристрастного плебисцита для решения чрезвычайно важного вопроса о присоединении Кашмира к Индии или к Пакистану, то тем самым будут устранены многие из причин, заставлявших прибегать к насилию и принуждению».

На том же заседании представитель Соединенного Королевства заявил следующее:

«...Я очень рад, что члены Совета Безопасности, повидимому, разделяют неоднократно выражавшееся мною мнение о том, что общий план полного разрешения всех важнейших разногласий будет фактически самым быстрым способом прекращения военных действий... нельзя будет добиться прекращения актов насилия, если не удастся достигнуть соглашения, при котором все будут убеждены в том, что плебисцит будет происходить в свободной и беспристрастной атмосфере, а значит необходимо достичь соглашения о том, как будет вестись подготовка к плебисциту. Я надеюсь, поэтому, что Совет Безопасности постарается возможно скорее достичь такого полного соглашения».

Затем, говоря относительно комиссии, которую уже ранее было решено учредить, г-н Ноэль-Бейкер сказал:

«...Я предложил и сторонам в споре и Совету, чтобы функции комиссии состояли главным образом в применении на практике того метода урегулирования вопроса, на котором мы согласились здесь в Совете [230-е заседание]... Я надеюсь, что до того как мы закончим свою работу в Совете, мы будем иметь не только рамки, но и всю основную структуру соглашения, которое поможет окончательному разрешению этого вопроса, так что последний перестанет быть источником недоразумений между Индией и Пакистаном».

А далее он также сказал:

«Чем больше я думаю об этом, тем больше убеждаюсь в том, что выражение «под покровительством Организации Объединенных Наций» должно означать не только то, что плебисцит сам по себе должен быть справедливым и беспристрастным, но и то, что все заинтересованные стороны должны считать его таковым; дело не только в том, что должно быть фактически обеспечено справедливое проведение плебисцита; я не сомневаюсь в том, что любое из правительств, чьи представители заседают за этим столом, имея оно полную свободу действий, могло бы это обеспечить. Важно, чтобы и правительство Индии и правительство Пакистана, и все государства-члены Совета Безопасности, и все государства-чле-

ны Организации Объединенных Наций, и особенно, — это, по-моему, важнейшее условие для прекращения военных действий, — чтобы сами сражающиеся в Кашмире как мусульмане, так и немусульмане считали этот плебисцит справедливым.

Только в том случае, если нам удастся создать необходимый для этого аппарат, сможет Совет Безопасности взять на себя ответственность за проведение плебисцита от имени Организации Объединенных Наций».

В свете этих замечаний и с соблюдением условий, разъясненных в этих выступлениях, мы готовы признать, что оба проекта резолюции, внесенные представителем Бельгии, определенно являются шагом вперед к урегулированию спора о Кашмире.

Я с огорчением обратил внимание на то, что в конце своего выступления представитель Индии представил что-то вроде ультиматума. Этот спор был передан на рассмотрение Совета Безопасности для урегулирования, по возможности, путем соглашения, а если нет, то согласно рекомендациям Совета Безопасности или такими иными мерами, которые Совет Безопасности найдет справедливыми, правильными и неизбежными в данной ситуации. Ситуация эта несомненно представляет собой угрозу международному миру и безопасности. Совет Безопасности должен принять меры для устранения такой угрозы. Мы твердо верим, что Совет Безопасности это и сделает. Представитель Соединенного Королевства отметил следующее:

«Если происходящие под руководством Председателя переговоры не приведут в самом ближайшем времени к определенному результату или не создадут надежды на полное урегулирование спора в ближайшем будущем, то я уверен, что Совет Безопасности будет обязан рассмотреть вопрос о том, не может ли он помочь делу путем каких-либо более непосредственных коллективных мероприятий».

Я уверен, что Совет Безопасности найдет способ урегулировать возможно скорее не только кашмирский вопрос, но также и все остальные вопросы, которые в настоящее время нарушают дружественные отношения двух доминионов, и сделает это, если возможно, путем соглашения, приемлемого для обеих сторон, а если бы это, к несчастью, оказалось невозможным, то посредством таких указаний, которые Совет Безопасности сочтет правильными и справедливыми.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Выслушав только что законченные заявления представителей Индии и Пакистана, члены Совета Безопасности, вероятно, пожелают высказать свои замечания относительно этих заявлений и относительно тех предложений, к которым эти заявления относятся.

С этого момента Совет Безопасности вновь переходит на систему последовательного перевода.

Г-н АРСЕ (Аргентина) (говорит по-испански): В качестве одной из целей, преследуемых Организацией Объединенных Наций, пункт 2 статьи 1 Устава рекомендует: «Развивать друже-

ственные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов, а также принимать другие соответствующие меры для укрепления всеобщего мира».

Теперь, когда спорные вопросы Индии и Пакистана представлены на рассмотрение Совета Безопасности, делегация Аргентины не сможет голосовать ни за один проект резолюции, которым не предлагалось бы решить всю проблему при помощи плебисцита, свободно подготовленного, свободно проведенного и свободно проведенного под руководством Совета Безопасности.

Так как этот вопрос передан Совету Безопасности, то Совет имеет полное право решить его по собственному усмотрению, при одном лишь условии, что он будет действовать в рамках Устава. Такова юридическая точка зрения. Но и с фактической точки зрения другого решения быть не может. Как магараджа, — абсолютный владыка Кашмира, — так и созданное им правительство или правительства уже показали свою пристрастность к одной из сторон и поэтому не могут взять на себя организацию свободного плебисцита. Даже если бы они могли его организовать, им не следовало бы этого делать, так как противная сторона не признала бы справедливости такого плебисцита, хотя бы он и проводился справедливо.

Здесь необходимо отметить, что в настоящей стадии развития человечества нельзя признавать режима абсолютной монархии, по крайней мере поскольку это касается Организации Объединенных Наций. Несамоуправляющиеся территории через посредство управляющих властей сообщают Совету по Опеке о целом ряде видов своей деятельности.

Правительствам Индии и Пакистана следует возможно скорее получить от индийских князей, которых они объединили вокруг себя, определенное заверение в том, что они даруют право представительства управляемому ими населению. Если я не ошибаюсь, существует 562 таких князя, управляющих населением в 75 миллионов человек, условия жизни и работы которых, равно как и их культурно-экономический прогресс не могут оставаться для нас безразличными.

Имели место споры, по моему мнению напрасные, о том, следует ли в одно и то же время потребовать и прекращения военных действий и проведения плебисцита, или сначала нужно требовать одного и потом уже другого. Для того чтобы решить какую-либо проблему, а особенно проблему такого рода, необходимо выяснить вызвавшие ее причины. Полезно вспомнить латинскую поговорку: *sublata causa, tollitur effectus*, или другими словами, устраните причину, и исчезнет следствие. В данном случае причина всех беспорядков, создаваемых Индией или Пакистаном или горными племенами, кроется в восстании кашмирского народа против самодержавного владыки, управляющего им, как если бы он управлял фермой, а 4-миллионное население представляло бы собой то же число голов скота, а не людей.

Поэтому, если в соответствии с уже цитированными положениями Устава мы гарантируем

этим людям, что они смогут сами решить свою судьбу свободно и без всякого давления с какой-либо стороны, то я уверен, что они сложат оружие; я уверен, что племена уйдут на собственные территории, и я уверен, что Индия и Пакистан, взяв на себя обязательство подчиняться решению Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, Организации, членами которой они являются, сумеют договориться и поддерживать самые дружественные взаимоотношения, этим самым доказывая, что они в действительности являются «миролюбивыми государствами».

Поэтому одна и единственная резолюция, которую следует поставить на голосование в Совете Безопасности, должна откликнуться на призыв восставшего с оружием в руках народа, не представленного в Совете, и этим самым пойти навстречу интересам обоих доминионов как Индии, так и Пакистана. Наконец, нельзя забывать, что население Кашмира, если оно этого пожелает, может принять решение о том, чтобы не принадлежать ни Индии, ни Пакистану, а оставаться независимым государством.

Г-н ОСТИН (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Мы с большой для себя пользой прослушали официальные заявления и требования, в такой энергичной форме выраженные представителями Индии и Пакистана. Мне кажется, что теперь мы в состоянии высказать спорные вопросы и составить себе более ясное мнение относительно тех мер, которые нам следует принять. Во-первых, я хотел бы отметить, что Совет Безопасности согласно Уставу не должен пытаться — и в настоящий момент он и не пытается — выносить решение в пользу или против одной из спорящих сторон, противников в споре или сторон в ситуации или в разногласии. Когда два члена Организации Объединенных Наций обращаются к Совету Безопасности, как это имеет место в данном случае, Совет действует в соответствии с той широкой и благой целью, которая изложена в статье 1 Устава. Эта статья гласит:

«Организация Объединенных Наций преследует цели:

1. Поддерживать международный мир и безопасность и с этой целью принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира, и проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира;».

Такова широкая цель и юрисдикция Совета Безопасности в этом вопросе. Какому методу следуем мы для достижения этой цели? Мы следуем положениям главы VI, предусматривающей мирные способы урегулирования или выяснения ситуации, которая по утверждениям обеих сторон, занесенным в отчеты заседаний, представляет собою угрозу всеобщему миру.

Мы еще не достигли той стадии, когда согласно главе VI Устава переговоры ведутся непосредственно сторонами под руководством и с помощью Совета Безопасности с целью достигнуть

возможно более полного соглашения. Мы всегда надеялись на то, что в данном случае стороны придут в конце концов к какому-то соглашению. Одним из оснований наших больших надежд на то, что они достигнут соглашения по всем остающимся в данном случае неразрешенным вопросам, является то, что стороны уже фактически договорились о многих факторах, действующих в сторону решения этой проблемы. Немного позднее я буду говорить более подробно относительно тех пунктов, по которым у сторон нет разногласий.

Я хотел бы предложить теперь же, чтобы наше рассмотрение этого вопроса было ясным и понятным для всего мира, так как внимание всего мира обращено на ту дискуссию, которую мы ведем сегодня. Это обсуждение вопроса настолько серьезно, что оно может сказаться на развитии и прогрессе этой части мира, включая не только субконтинент, но также и острова и многие другие страны в этом районе, где само население добивается преобразований и реформ для учреждения более либерального и свободного правительства.

Все следят за работой Совета Безопасности, так как весь мир с затаенным дыханием и с тревогой следит за тем, не разгорятся ли искры в этом районе в огромное пламя, которое зажжет весь мир пожаром новой войны, войны таких ужасов, которые мы не можем себе представить, так как научные методы массового истребления неизменно развиваются.

Совет Безопасности еще не дошел до стадии, упоминаемой в статье 37 Устава. Я имею в виду пункт 2 статьи 37, в котором предусматривается, что: «Если Совет Безопасности считает, что продолжение данного спора в действительности могло бы угрожать поддержанию международного мира и безопасности, он решает, действовать ли ему на основании статьи 36 или рекомендовать такие условия разрешения спора, какие он найдет подходящими». Совет Безопасности еще не достиг этой стадии, так как нет еще налицо условий, указанных в пункте 1 статьи 37, условий, когда сами стороны заявляют, что они не могут продолжать переговоры и что бесполезно уже далее пытаться достигнуть разрешения спора путем переговоров. Члены Совета Безопасности еще, конечно, не пришли к заключению, что уже бесполезно продолжать переговоры в попытках достигнуть соглашения между сторонами. До тех пор пока мы не достигнем этой стадии, нам не следует рассматривать резолюций, в которых рекомендуются условия того или иного урегулирования.

На рассмотрении Совета Безопасности находится два проекта резолюций. Возможно, я ошибаюсь, но у меня создалось впечатление, что эти резолюции неправильно поняты, и я хотел бы попытаться выяснить этот вопрос. Поэтому рассмотрим, что в сущности представляют собой эти резолюции.

Один из проектов резолюций, содержащийся в документе S/662, касается функций Комиссии, которую мы уже решили учредить. Хотя этот проект резолюции был охарактеризован как не имеющий большого значения, совершенно безобидный и как проект, который не может принести ни

пользы, ни вреда, он имеет целью, однако, успокоить некоторые опасения и, кроме того, несколько расширить обязанности Комиссии. Он не представляет собою решения, принятого Советом Безопасности на основании статьи 37.

Другой проект резолюции, содержащийся в документе S/661, представляет собой только одно из возможных мнений по данному вопросу. Однако его обсуждали, как если бы это была одна из тех рекомендаций, которые Совет Безопасности может делать на основании статьи 37.

Ничто из того, что мы сделали до сих пор, не представляет собою какой-либо меры, принятой на основании статьи 37. Все, что мы до сих пор сделали и что нам предлагается сделать в двух проектах резолюций, находящихся у нас на рассмотрении, предусмотрено положениями, имеющими целью добиться разрешения вопроса путем переговоров. Поэтому действительно верно, что мы не отклоняли требований и не отрицали утверждений той или иной стороны. Напротив, мы постоянно имеем в виду эти утверждения и требования, так как, исходя из них, мы будем пытаться руководить сторонами во время их дальнейших переговоров. Если бы эти проекты резолюций были приняты, это не означало бы конец рассмотрения всех этих претензий. В сущности, было бы, по-моему, ошибкой, если бы Совет Безопасности, действуя при решении этого вопроса в рамках статьи 37, пытался урегулировать этот спор по частям, одной рукой добиваясь прекращения военных действий, а другой — проведения плебисцита. Я считаю, что такой метод был бы совершенно нецелесообразен и не приведет к успешному решению вопроса.

Раз Совет Безопасности имеет дело с этой проблемой, он должен, по-моему, рассматривать ее как нечто целое, так как если он этого не сделает, то прекращение военных действий окажется невозможным. Как можно заставить горцев уйти из княжества Джамму и Кашмир без войны и без применения силы? Это единственный способ заставить их уйти, если только горцы не будут вполне уверены, что временное правительство — которое не только по видимости, но и на деле будет беспристрастным — организует справедливый плебисцит. Только таким способом можно надеяться на удаление этих горцев мирным путем.

Мы прекрасно знаем, что кроме этого остается только применение силы, а эта сила не обязательно даст желательные результаты, особенно когда она подойдет к границе. Переход через границу горных племен не означает, что окончилась военная действия. Напротив, мне кажется, логика указывает на то, что военные действия по-настоящему тогда только начнутся, если будет сделана попытка достигнуть частичного решения этого вопроса путем увода войск из Кашмира только в силу нашего требования и не объяснив им, что мы рассмотрим все стороны этого вопроса и что в план входит не только вывод войск, но также и проведение плебисцита, при помощи которого население определит свой собственный выбор в главном вопросе, так как будут гарантированы беспристрастность и справедливость этого плебисцита. Невозможно себе представить какое-либо другое мирное средство, что-

бы добиться увода этих вооруженных сил из Джамму и Кашмира.

Я хочу, чтобы для всех было ясно следующее положение: Совет Безопасности беспристрастен; он ничего не предпринимает заранее; он не допускает дискриминации в отношении той или иной стороны или их требований; он не отклоняет требований ни одной из сторон. Совет Безопасности приветствует эти требования, тщательно их рассматривает и будет продолжать это делать до тех пор, пока этот вопрос будет находиться на рассмотрении Совета Безопасности.

Я надеюсь, что нам никогда не придется тщательно и детально анализировать требования сторон. Я надеюсь, напротив, что еще до того, как мы закончим рассмотрение этого вопроса, стороны согласятся на те определенные условия, которые приведут к разрешению всего вопроса, включая устранение вооруженных сил, прекращение доставки боеприпасов и оружия, учреждение временного правительства, которое обеспечит безопасность населения и свободное голосование, создание мирной обстановки, которая будет содействовать возвращению бежавших из Джамму и Кашмира в другие части страны и которая даст возможность населению самому определить, каково будет его решение основного вопроса о присоединении Джамму и Кашмира к той или иной стране.

Временное правительство не должно существовать долго. Оно должно существовать только то время, которое потребуется для создания аппарата по проведению справедливого плебисцита. А что же после плебисцита? Временное правительство станет *functus officio*; оно выполнит свою задачу и не будет больше иметь власти. Имеется много таких правительственных учреждений, и они особенно необходимы в международных делах. Конечно, мы не интересовались бы этим, если весь вопрос касался только внутренних дел какой-либо страны.

Совет Безопасности столкнулся с тем фактом, что два члена Организации Объединенных Наций обратились к нему с международной проблемой. Эта проблема касается внешнего суверенитета княжества Джамму и Кашмир. По моему мнению, вполне уместно говорить о том, что суверенитетом можно гордиться. Это — отличительное свойство суверенитета. Даже совместный суверенитет вызывает чувство гордости и уважения. Порой даже возникали войны, чтобы восстановить честь нарушенного суверенитета. Но как бы ни считались с чувствами того или иного единоличного монарха, магараджи или князя, нам приходится считаться также и с юридической стороной вопроса. Магараджа больше не осуществляет внешний суверенитет Джамму и Кашмира. Но в данном случае речь идет именно о внешнем суверенитете этого княжества. Этот вопрос международного порядка, и с присоединением к Индии Джамму и Кашмира, внешний суверенитет перешел к Индии и осуществляется Индией, в силу чего Индия и явилась истцом в этом деле.

В подтверждение этого я хочу сослаться на некоторые засвидетельствованные факты. Передо мной имеются выдержки из некоторых основных документов, из которых вполне очевидно, что мы

вполне правомочны рассматривать этот вопрос на основании жалобы Индии и Пакистана. Лорд Маунтбаттен, соглашаясь на присоединение Кашмира при особых в то время обстоятельствах, в своем письме к магарадже заявил:

«...не изменяя своей обычной политики, согласно которой в тех случаях, когда присоединение какого-либо княжества вызывает спор, этот вопрос о присоединении должен решаться в соответствии с желаниями населения..., мое правительство желает, чтобы как только будут восстановлены в Кашмире законность и порядок и его территория очищена от захватчиков, вопрос о присоединении княжества был урегулирован посредством народного референдума».

Таким образом проведение плебисцита стало на деле неотъемлемым условием присоединения. Позднее в радиопередаче из Дели от 2 ноября Пандит Неру снова повторил, что, соглашаясь на присоединение Кашмира, Индия в то же время согласилась на то, чтобы окончательную судьбу княжества решил кашмирский народ.

Он сказал: «Одно из соседних правительств, пользуясь недостойными правительства выражениями, обвинило правительство Индии в том, что оно применило обман, чтобы добиться присоединения Кашмира к Индийскому Союзу. Я признаю, что в Кашмире применялись и обман и насилие, но весь вопрос в том, кто ответствен за это? Я убежден, что мы поступили правильно. Мы не намерены применять наши войска в Кашмире, когда пройдет опасность вторжения.

Мы заявили, что само население должно решить окончательную судьбу Кашмира. Мы дали такое обещание, магараджа подтвердил его, и мы хотим дать это обещание снова и не только населению Кашмира, но и всему миру. Мы хотим, чтобы этот референдум был беспристрастным и справедливым, и мы признаем его приговор. Я не могу себе представить более правильного и справедливого предложения. Мы согласны на то, что когда будут восстановлены законность и порядок, должен быть проведен референдум под международным наблюдением такой организации, как Организация Объединенных Наций».

Я хотел бы остановиться еще на другой стороне этого вопроса, на осуществлении Индией внешнего суверенитета княжества Джамму и Кашмир. Я надеюсь позднее иметь случай показать, что если магараджа предоставит кому-либо временное право на осуществление этого суверенитета, то он ничего не потеряет.

Я хочу заверить членов Совета Безопасности, и если смогу, то убедить также стороны — а может быть и население обеих великих стран — в том, что, формируя временное правительство, чем уже теперь занят магараджа, он не утрачивает своих суверенных прав. Напротив, он их осуществляет, для того чтобы урегулировать сохранившееся положение.

Что касается этого другого вопроса, который относится к осуществлению Индией внешнего суверенитета княжества Джамму и Кашмир, то я хочу сказать следующее. Здесь у меня документ, который, насколько мне известно, представляет собой выдержку из телеграммы, посланной пан-

дитом Неру премьер-министру Пакистана 8 ноября 1947 года. Я позволю себе обратить внимание членов Совета Безопасности, что это произошло ровно через десять дней после присоединения. Эта телеграмма настолько близка во времени к моменту присоединения, что она придает этому событию особую окраску и толкование. Вот, что говорится в этих выдержках из телеграммы:

«Таким образом видно, что наши предложения, которые мы формулировали неоднократно, сводятся к следующему:

1. чтобы правительство Пакистана публично обещало сделать все от него зависящее, чтобы заставить налетчиков уйти из Кашмира;

2. чтобы правительство Индии повторило свою декларацию о том, что оно выведет свои вооруженные силы из Кашмира, как только уйдут налетчики и в стране будут восстановлены законность и порядок; и

3. чтобы правительства Индии и Пакистана вместе обратились к Организации Объединенных Наций с просьбой организовать в Кашмире плебисцит в возможно более краткий срок».

Здесь мы имеем весьма характерный случай выявления суверенной власти. Ни на каком другом основании эти стороны не могли бы предстать здесь и предъявить свои требования, если бы они не считали, что, с одной стороны, Пакистан осуществляет внешний суверенитет Пакистана, а, с другой стороны, Индия осуществляет внешний суверенитет княжества Джамму и Кашмир.

Я не думаю, что следовало бы предлагать присутствующим сторонам принимать такие меры, которые могли бы лишить магараджу его достоинства, чести или репутации. Но как бы ни дорожил магараджа своим суверенитетом, он должен понимать, что то, что предлагается здесь относительно временного правительства, является не чем иным, как осуществлением внешнего суверенитета, так как это предлагается тем правительством, которому он сам уступил право осуществлять суверенитет в настоящее время. Возможно, что плебисцит изменит все это. Что будет дальше, я, конечно, не знаю. Не знает этого и магараджа, но он заявляет, что если вследствие плебисцита положение изменится, то он признает результаты плебисцита.

Рискуя переполнить чашу терпения членов Совета Безопасности, я хочу обратить внимание на мнения некоторых общепризнанных авторитетов, на которые я ссылаюсь раньше, когда о внешнем суверенитете возник вопрос по очень важному поводу, а именно, в связи с вопросом о том, отказываются ли Соединенные Штаты Америки от своих суверенных прав, ратифицируя Устав Организации Объединенных Наций. Я хотел бы, кстати, сделать одно общее замечание. Во всех случаях когда монарх, единоличный или представленный группой лиц, осуществляет свои суверенные права тем или иным определенным способом, который необходим в данном чрезвычайном положении, он не только не утрачивает своих суверенных прав, а укрепляет их. Возможно даже что этим он спасает их от разрушения. Он может осуществлять суверенные права через

посредство временного правительства, как он уже и делает, или может осуществлять их любым другим способом. Однако самый факт осуществления суверенных прав или факт делегирования некоторых определенных прав не нарушает и не ослабляет в конечном счете суверенитета этого монарха.

Членам Совета Безопасности известно имя г-на Оппенгейма. На стр. 174⁶ тома I он указывает, что государство, заключающее договор об арбитражном разбирательстве ни в коей мере не утрачивает своих суверенных прав и что в случае договора об обязательном арбитраже договаривающиеся государства остаются суверенными, так как они все взаимно и в равной мере связаны.

Другой крупный авторитет в вопросах международного права г-н Мериньяк, на стр. 437 части II, утверждает, что договоры о гарантиях не уничтожают суверенитета. Он говорит, что такие договоры необязательно влекут за собой ограничение суверенитета, если государство, права которого гарантируются, не отказывается навсегда от осуществления своих важных или существенных суверенных прав, принадлежащих обычно другим государствам.

Есть еще один любопытный случай, который имеет некоторое сходство с той частью рассматриваемого нами вопроса, где речь идет об утрате суверенных прав и о том, как отражается на достоинстве монарха факт временной передачи им управления страной какой-либо другой власти. В деле *Duff Development Company, Limited*, против правительства Келантана, в котором Палата лордов утвердила распоряжение о приостановке рассмотрения этого дела на том основании, что султан является независимым монархом, не подпадающим под юрисдикцию суда, виконт Финлей сделал следующие замечания:

«Ясно, что суверенитет предполагает известную независимость, но нет никакой надобности в том, чтобы суверенитет осуществлялся в условиях полной независимости. Идея суверенитета вполне допускает зависимость монарха от другой власти в некоторых отношениях: так например, контроль в области сношений с иностранными государствами» — разве в данном случае не наблюдается сходство с настоящей ситуацией в Джамму и Кашмире? — «может полностью находиться в руках державы-протектора; кроме того, могут существовать соглашения или договоры, в силу которых полномочия монарха ограничиваются даже в вопросах внутреннего порядка, но это не означает утрату статуса суверенного государства».

Я привел эти цитаты в качестве примера временной передачи той или иной определенной функции, когда это необходимо в интересах жителей, граждан или подданных того или иного государства. Постоянная палата международного правосудия в своем постановлении, вынесенном 17 августа 1923 года⁸ по делу *S. S. Wimbledon*

относительно отказа германских властей разрешить этому британскому судну пройти через Кильский канал, заявила:

«Суд не считает возможным рассматривать как отказ от суверенных прав заключение какого-либо договора, которым государство обязуется или отказывается что-либо выполнять. Конечно, всякая конвенция, создающая обязательство такого рода, влечет за собой известное ограничение суверенных прав данного государства в том отношении, что в силу конвенции эти права должны осуществляться определенным способом. Но право принимать на себя международные обязательства является свойством государственного суверенитета».

Затем Соединенные Штаты представляют собой случай, который особенно интересен для меня. Здесь речь идет о взаимоотношениях сорока восьми суверенов, существующих в Соединенных Штатах — т. е. сорока восьми отдельных штатов — с федеральным правительством. Конечно, и у нас были люди, которые решительно утверждали, что штаты просто не могут допустить, чтобы федеральное правительство управляло их международными отношениями, — другими словами, чтобы оно осуществляло их внешний суверенитет, — и они передали этот вопрос на рассмотрение Верховного суда, этого верховного органа, созданного главным образом с целью разрешать вопросы конституционного права.

В судебном процессе правительства Соединенных Штатов против *Curtis-Wright Export Corporation* и других Верховный суд, защищая конституционный характер совместной резолюции Конгресса, принятой 28 мая 1934 года и запрещающей продажу оружия и боеприпасов в Соединенных Штатах, заявил словами судьи Седерленда:

«Правители и правительства сменяются, формы правления также меняются, но суверенитет продолжает существовать. Политический коллектив не может существовать, если где-то не существует верховная воля. Суверенитет никогда не повисает в воздухе. Поэтому когда Великобритания перестала осуществлять внешний суверенитет в колониях, он немедленно перешел к Союзу. Из этого следует, что обличение федерального правительства властью в вопросах внешнего суверенитета не зависело от определенных полномочий, предоставляемых конституцией. Так, например, если бы право объявлять и вести войну, право заключать мир, право заключать договоры, право поддерживать дипломатические сношения с другими суверенными государствами не были упомянуты в конституции, они бы все равно принадлежали федеральному правительству как права, неизменно присущие государству».

...Право приобретать территории путем открытия новых земель и оккупации, право выселять нежелательных иностранцев, право заключать такие международные соглашения, которые в конституционном смысле не являются договорами», — я не цитирую всех ссылок, хотя в поддержку каждого из этих утверждений можно сослаться на многие случаи различных дел, рассмотренных Верховным судом, — «все эти права, ни одно из которых специально не подтверж-

⁶ См. *International Law* by L. F. L. Oppenheim, third edition, Longmans Green and Co., London, New York, 1920.

⁷ См. *Traité de droit public international* par A. Mérignhac, F. Pichon et Durand-Auzias, Paris, 1907.

⁸ См. *Publications of the Permanent Court of International Justice*, Series A, Collection of Judgments, No. 1.

дено в конституции, существуют тем не менее как права, по существу своему неотделимые от понятия государственности».

Наконец, одним из самых ярких примеров делегирования некоторых специально суверенных прав, без утраты чести или достоинства или даже без какого-либо ущерба для суверенных прав, могут послужить наши собственные отношения с Организацией Объединенных Наций. Когда в Москве состоялось знаменитое совещание и была подписана Декларация четырех держав, мы были свидетелями того, что эта доктрина была без колебаний принята четырьмя великими державами, к которым позднее присоединилась и Франция. Мне кажется, что первоначально Декларация исходила от трех держав и что Франция и Китай присоединились к ней позднее, но, как бы то ни было, эта доктрина состоит в следующем. В статье 6 Московской декларации по вопросу о всеобщей безопасности сказано следующее:

«...по окончании войны они не будут применять своих вооруженных сил на территории других государств, кроме как после совместной консультации и для целей, предусмотренных в этой Декларации».

Для каждой из этих великих держав это было колоссальным отказом от права независимо от других применять свои вооруженные силы в тех случаях, когда она считает, что затронуты ее честь или права и что необходимо применить вооруженную силу. И все же великие державы отнюдь не считали, что они как-либо умаляют свою честь или достоинство в силу своего отказа от этих прав и в силу особых соглашений, заключенных для достижения специальных целей. Когда мы входим в состав Организации Объединенных Наций, мы отнюдь не сомневаемся в том, что наш акт присоединения ко всемирной международной организации, созданной с целью уничтожения войны и обеспечения мира, равно как и наши торжественные обещания выполнять постановления Совета Безопасности и следовать политике и принципам, изложенным в Уставе, не умаляют нашего суверенитета, несмотря на то, что это является такими действиями, которые ни одна страна, за исключением нашей собственной, не имела бы права от нас требовать.

Но мы привыкли так действовать. Соединенные Штаты столько раз определенно уступали свои внешние суверенные права, что это вошло у нас в привычку и стало традицией. Я приведу несколько примеров, чтобы показать, что во всех этих случаях мы ни в коей мере не умилили нашего достоинства. Мы никак не считаем, что пострадали наша честь, гордость или чувство собственного достоинства. Мы частично передали некоторые из обычных прав нашего суверенитета другим коллективам вне Соединенных Штатов, которые работают, конечно, в сотрудничестве с нами, так как мы считаем, что такое осуществление внешнего суверенитета служит на пользу нашему народу и создает вероятность его благополучия и безопасности. Конечно, если не это цель настоящих прений в Совете, то я понял ее неправильно. Я с самого начала считал, что государства, обратившиеся к нам со своими заявлениями, являясь нашими сочленами в Организации Объединенных Наций, преследуют цель

содействовать общему благополучию, миру и безопасности в Джамму и Кашмире.

Среди договоров, в которых принимали участие Соединенные Штаты Америки и в силу которых обусловливаются или ограничиваются наши национальные преимущества, имеются договоры, которыми учреждаются следующие так называемые постоянные комиссии и иные организации: Постоянная палата третейского суда, Международный сельскохозяйственный институт, Международное бюро народного здравоохранения, Международная организация труда, международные пограничные комиссии, международные комиссии по рыболовству, Постоянная международная ассоциация конгрессов по судоходству, постоянные комиссии по обследованию и согласительной процедуре, постоянные следственные комиссии, предусмотренные договорами, преследующими цели мира, и договорами согласительной процедуры. Существует много соглашений, которые, хотя и не принадлежат к категории международных договоров, все же ограничивают в какой-то мере национальный суверенитет каждой из сторон в таких организациях, как — Международное бюро народного здравоохранения, Панамериканский союз, Международный совет по сахару, Консультативный комитет по пшенице, Комитет экспертов по кодификации международного права, Постоянный комитет юристов по гражданским и торговым законам, Межамериканский комитет экспертов по сохранению естественных красот природы, ее дикой фауны и флоры, Межамериканский финансовый и экономический консультативный комитет, Панамериканская комиссия по ресурсам, Межамериканская комиссия по вопросам сельского хозяйства в тропиках, Межамериканское бюро по кофе и Конгресс почтового союза.

В марте 1945 года Соединенные Штаты и двадцать других республик Западного полушария обнародовали Акт Чапультепека, в котором они объявили, что нападение на одну из этих республик является нападением на все республики, и потому все должны прийти на помощь жертве нападения. Это соглашение было подтверждено уже для мирного времени договором, заключенным в Рио де Жанейро в августе прошлого года. Разве пострадали наша честь или наше достоинство от того, что мы в таком коллективном порядке пользовались своим суверенитетом? Нет. Мы ясно видим, что, предоставляя друг другу такие взаимные права, мы в глазах всего мира и в собственном сознании упрочили свою безопасность, честь и достоинство.

Возвращаясь к нашему случаю, мы видим, что Индия обладает внешним суверенитетом Кашмира и Джамму и осуществляет его в рассматриваемом нами заявлении. Плебисцит является одним из условий присоединения к Индии Джамму и Кашмира и предоставления Индии этой части суверенных прав. В этом суть дела. Магараджа уже согласился на эти предложения, и Индия получила все полномочия для того, чтобы довести до конца все переговоры, необходимые для достижения решения этой международной проблемы. Если это решение предусматривает временное правительство для обеспечения ухода вторгнувшихся в Джамму и Кашмир, то Индия имеет

полное право действовать по своему усмотрению и не обязана отказываться от того соглашения, в результате которого она явилась в Совет, или как-либо менять это соглашение.

Магараджа уже согласился на мирное урегулирование этой ситуации, и мне кажется, что это уже не подлежит сомнению. Те ссылки, которые я приводил из писем лорда Маунтбаттена и Пандита Неру, равно как и заявления представителей Индии и Пакистана в Совете ясно свидетельствуют о том, что до известной степени мы добились соглашения, которое даст нам возможность продолжать переговоры и закончить их хорошо обдуманном плане, который оказался бы осуществимым, а не планом, для проведения в жизнь которого потребовалось бы применение вооруженных сил и насилия.

Поэтому я надеюсь, что мы точно выяснили, — и можем объявить об этом всем заинтересованным сторонам, — что проекты резолюций, ожидающие нашего решения, не представляют собой окончательного решения вопроса и не ставят целью исключить рассмотрение требований той или иной стороны. Они являются только шагом в ходе

работы на основании главы VI Устава Организации Объединенных Наций с целью продвигать, поощрять и делать более осуществимым решение этого трудного вопроса путем переговоров между сторонами и соглашений между ними. Это все. Если настанет время, — и не дай Бог, чтобы оно настало, я надеюсь, что до этого не дойдет, — когда нам придется действовать на основании статьи 37 главы VI Устава, тогда эти требования и все эти столь искусно приведенные доводы будут приняты во внимание и взвешены должным образом. Тогда мы сможем предложить такую рекомендацию, в которой в равной мере будут учтены интересы сторон и в которой будет охвачен весь вопрос, а не такие отдельные части, какие, как нам известно, не могут быть разрешены иначе как только силой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Внесено предложение закрыть заседание Совета ввиду позднего времени и плохой погоды. Так как не имеется возражений, то Совет Безопасности соберется завтра в 2 ч. 30 м. дня.

Заседание закрывается в 5 ч. 50 м. дня.